

А.С.Бухонкина

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ БРЕТАНИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БРЕТОНСКИЙ VS. ГАЛЛО

Рассматриваются миноритарные языки Бретани — бретонский и галло — с точки зрения факторов, способствующих их витальности. Анализируется представленность миноритарных языков в городском пространстве с последующим утверждением о том, что бретонский язык в контексте современной социолингвистической ситуации Бретани становится идеологическим инструментом, направленным на усиление престижности всего региона в целом. Преимущество бретонского языка над галло в первую очередь становится очевидным при анализе городского и дорожного ландшафта Бретани. В работе подчеркивается, что двуязычные вывески и указатели помимо утилитарной функции, стали своеобразным маркером лингвистического разнообразия региона.

Ключевые слова: Бретань, миноритарные языки, бретонский язык, язык галло, культурная идентичность

Французский регион Бретань стоит особняком среди прочих французских регионов, выделяясь на их фоне высоким уровнем локальной идентичности. По мощности региональной идентичности с Бретанью может поспорить только Корсика и Эльзас. Культурная и языковая уникальность Бретани связана с наличием ярко выраженной кельтской составляющей, отдаленностью от центра, что подтверждается в том числе существованием сильных регионалистских настроений [1, с. 58-64]. Для региона характерна не только культурная, но и языковая самобытность, т.к. здесь сосуществуют три языка с разной степенью витальности и функциональной полноценности: доминирующий французский язык, бретонский язык, распространенный в западной части полуострова, так называемой Нижней Бретани (*Basse Bretagne*), и язык галло, распространенный в восточной (или романской) зоне региона или Верхней Бретани (*Haute Bretagne*). На сегодняшний день в условиях повсеместного доминирования французского языка, лингвистическая граница между двумя частями Бретани условна и носит скорее символический характер, противопоставляя их кельтскую и романскую составляющие. Но даже в период реально существующей диглоссии в Верхней Бретани существовали романские анклавы и наоборот.

Политика языковой и культурной гомогенизации регионов, пик которой пришелся на конец XIX — начала XX вв., свела на нет практически любое проявление инаковости и отклонения от французской идеологической максимы «одна нация — один язык». В результате политики культурной и языковой унификации, проводимой в том числе и весьма жесткими способами, количество носителей региональных языков, в том числе бретонского, сократилось в разы [2, р. 190-206].

В связи с обрывом поколенческой трансмиссии миноритарных языков, их функциональная востребованность была ограниченной, и к середине XX в. французский язык стал преобладающим средством общения во всех коммуникативных сферах. В первой половине XX в. ряд факторов внеязыкового характера предопределили изменение функционального статуса и востребованности бретонского языка. Если в начале XX в. на бретонском разговаривало 75% населения Нижней Бретани, из которых большая часть были монолингвами, которые не знали французского языка, то в последующие десятилетия ситуация поменялась. Усовершенствование средств коммуникации, введение всеобщего школьного образования на французском языке и участие бретонцев в двух мировых войнах в сочетании с социально-экономическими и психологическими факторами скорректировали коммуникативный рейтинг бретонского языка и способствовали его затуханию [3].

К середине XX в. вектор языковой политики стал постепенно меняться. С принятием ряда знаковых законов и постановлений (от закона Дексона от 1951 г. до поправки к конституции 2008 г.), допускающих региональные языки к преподаванию и признающих их как часть культурно-исторического наследия Франции, отношение к миноритарным языкам изменилось как на уровне республиканских властей, так и на уровне регионов. В Бретани, начиная с 1990-х гг., была развернута масштабная кампания по продвижению бретонского языка. Были открыты двуязычные школы (*Divan*), масс-медиа стали активно использовать бретонский язык, привычными стали двуязычные вывески и дорожные указатели. Кампания “*Ya d’ar brezhoneg*” («да» — бретонскому языку) была запущена в 2001 г. и принесла ощутимые результаты во многих сферах жизни.

В Бретани, помимо бретонского языка, существует еще один миноритарный язык, о котором мало кому известно не только за пределами Франции, но даже и в самой Бретани [4, р. 51-66]. Это язык *галло*, относящийся к романской группе языков. Круг исследователей, которые занимаются изучением структурно-языковых и социолингвистических параметров этого идиома, весьма ограничен [5-7]. Галло, зоной распространения которого является Верхняя Бретань, во многом разделит участь бретонского языка. Будучи близким к французскому языку, он долгое время воспринимался как его «неправильный» вариант. На протяжении многих десятилетий спорным был и статус галло. Его не признавали языком, даже его носители — в основном жители сельских поселений — называли его говором, *патуа* [8]. Только в 2004 г. региональный совет Бретани признал галло и бретонский «языками Бретани наряду с французским языком». Среди языков северной романской речи галло единственный получил статус языка и был допущен к преподаванию на разных этапах школьного обучения.

Хотя и бретонский и язык галло официально признаны миноритарными языками региона, их функциональный статус не равнозначен. Бретонский повсеместно употребляется в разных общественных сферах, в том числе как второй язык на дорожных и городских указателях региона. Выполняя эмблематическую функцию, он воспринимается не только жителями региона, но и его гостями как более очевидный символ Бретани. Кроме того, в общественном сознании за бретонским давно закреплён статус языка [9].

Таким образом, негласно Бретань идентифицируется больше с бретонским языком, нежели с галло. Р. Ле Скер так охарактеризовала выбор бретонского в пользу галло в визуальном пространстве города: «Бретонский язык в вывесках-билингвах представляется более достоверным символом принадлежности региона к Бретани, т.к. он легче идентифицируется и узнаётся» [8, p. 107].

Более слабая позиция галло в социолингвистической бретонской иерархии проявляется и в повышенном внимании к бретонскому со стороны региональных властей, и в большом количестве образовательных программ на бретонском языке, в объёме теле- и радиовещания, в количестве печатных изданий и публикуемой литературы, в неравной представленности бретонского и галло в интернет-пространстве и т.д. Бретонский и галло не обладают идентичным статусом в глазах самих жителей Бретани, равно как и не занимают одинаковые позиции, связанные с выполняемыми ими функциями. Языки Бретани — это намного больше, чем просто способы коммуникации. Они являются одновременно и векторами идентичности и культурными символами, поэтому в коллективном сознании эти два языка не обладают одинаковым значением и не представляются одним и тем же.

Преимущество бретонского языка над галло в первую очередь становится очевидным при анализе городского и дорожного пространства Бретани. Дело в том, что за последнее десятилетие одной из главных составляющих региональной политики стало повсеместное улучшение имиджа Бретани, её позиционирование как одного из самых самобытных французских регионов с целью улучшения инвестиционной и туристической привлекательности. Социолингвистические особенности Бретани — её кельтские корни, наличие сразу двух миноритарных языков, относящихся к разным языковым группам, — пришлись как нельзя кстати. Двужычные вывески и указатели в этой ситуации стали выполнять не только утилитарную функцию, но и символическую, указывая на лингвистическое разнообразие региона.

Использование бретонского языка и бретонской культуры для улучшения культурного и экономического климата совпало с усиливающимся общественным запросом на региональную (бретонскую) идентичность, на всплеск интереса ко всему бретонскому, в первую очередь — к языку. Желание идентифицировать себя именно как бретонцев отразилось в том числе и в инициативах многих коммун установить двужычные указатели. Показательно, что стремление обозначить бретонские корни проявилось не только в самом регионе, но и в коммунах, не входящих сейчас в состав Бретани, а относящихся к так называемой Исторической Бретани. Так, власти коммуны Порник, департамента Атлантическая Луара, который до 1955 г. входил в состав Бретани, а ныне относится к региону Земли Луары (Pays de la Loire), многократно пытались перейти на двужычные франко-бретонские указатели.

В Верхней Бретани также стараются придерживаться двужычного принципа. Даже в небольших поселениях, например в коммунах Лудеак, Нуаяль-су-Базуж, для местных властей было очень важно символически обозначить себя как носителей языка и культуры галло, установив двужычные информационные панно на границе коммун.

Информацию на галло можно увидеть при въезде и выезде из городов, на улицах, в метро Ренна, хотя количество двужычных вывесок с бретонским языком даже здесь, в романской зоне полуострова, намного больше. Исследования, проводимые лингвистической лабораторией CREDILIF, показали, что концентрация урбанонимов, обозначенных на бретонском языке в Ренне — столице региона, где никогда не говорили на бретонском языке, — особенно впечатляет в центре города. Т.Бюло связывает это с новым вектором языковой политики, направленным на усиление бретонской идентичности с одной стороны, и на легитимизацию бретонского языка в визуальном пространстве города с другой стороны [10, p. 7].

Безусловно, гегемония бретонского языка по отношению к галло связана и с несоизмеримо большим количеством бритофонов, в том числе и поэтому для выражения визуальной идентичности региона в паре с французским был выбран бретонский язык. Однако, имеет место и стремление к культурному доминированию, желание представить Бретань как особый регион, в котором очевидны его не романские корни.

Риску предположить, что попытки всячески вытеснить галло связаны с тем, что он воспринимается как часть романской культуры, как представитель если не враждебной, то чуждой идентичности (само слово *gallo* на бретонском означает — ‘чужой’). Более того, в общественном сознании смещение ценностного акцента в сторону бретонского языка и культуры воспринимается как заслуженное возмещение потери собственного социокультурного пространства, которую пережили бретонцы в XX в. Галло, как часть романского, а значит и французского ареала, отождествляется (абсолютно необоснованно) с длительной гегемонией одновекторной лингвистической политики, подавляющей все не-французское. При этом забывается тот факт, что носители галло были также подвергнуты лингвистическому и культурному остракизму.

Иногда желание «бретонизировать» топонимику региона, придать ей «кельтский облик» доходит до абсурда. Забывая о том, что большая часть Верхней Бретани является исторически романской территорией, региональные полномочные организации переименовывают многие населённые пункты, присваивая им имена бретонского происхождения, чем немало удивляют местное население, которое никогда не говорило на

бретонском языке. Пытаясь доказать, что в результате оголтелой культурной и языковой гомогенизации названия некогда существующих топонимов Бретани были намерено романизированы, местные власти стремятся во что бы то ни стало восстановить историческую справедливость и вернуть бретонские названия на карту региона. Зачастую эти «благородные» порывы заходят слишком далеко, в результате, на некоторых дорожных указателях и городских вывесках появляются попросту выдуманные бретонские топонимы.

Так, в 2005 г. было принято решение внедрить систему двуязычного (франко-бретонского) обозначения дорожных знаков на территории департамента Морбиан, исторически относящегося к романской части Бретани. Одна из коммун Морбиана Monténeuf, была обозначена на дорожных указателях на бретонский манер — Monteneg. Тогдашний мэр города Жозеф Оран, опираясь на исторические документы, доказал, что подобное наименование — фикция, сфабрикованная L'Office Public de la Langue Bretonne. К таким же псевдо-бретонскими эквивалентам относится наименование *Ruveneg* для коммуны *Réminiac*. В Редонском Картулярии 856 г. эта местность уже носит название 'Ruminiac', что подтверждает его романское происхождение.

Новые топонимы «кельтского» происхождения наводнили не только Морбиан, но и соседние коммуны Верхней Бретани, в которых никогда не говорили на бретонском. Например, коммуна *Cesson-Sévigné* на всех городских указателях сочетается с бретонским наименованием *Saozon-Sevigneg*. Даже название столицы региона Ренн (Rennes), где логичнее было бы ввести двуязычные вывески на французском и галло, дополнено на всех дорожных указателях бретонизированным вариантом *Roazhon*.

Исходя из этих обстоятельств, в Верхней Бретани были созданы ассоциации (*Association Groupe information Bretagne, Association de protestation contre la signalization bilingue*), призванные оспорить отдельные попытки фальсификации бретонских топонимов, а также саму идею размещения двуязычных вывесок. По их мнению, бретонский язык здесь используется как идеологическое оружие. Основной аргумент, который они приводят в качестве противовеса политике бретонизации топонимики региона сводится к вопросу — для кого? Для кого все эти двуязычные дорожные и уличные указатели, информационные таблички в метро и прочем общественном транспорте, вывески магазинов, кафе и т.д., если количество человек, говорящих на бретонском, уменьшилось до 172 000, из которых только 0,5% младше 20 лет [11, p. 131]. Но даже и они являются билингвами и говорят на французском языке.

Установка двуязычных вывесок также кажется неоправданной с точки зрения затратности этого процесса в не самом богатом французском регионе. С учетом того, что один двуязычный указатель стоит 200 евро, цена вопроса колеблется от 2 до 4 миллиона евро. Не слишком ли это дорого? — еще один вопрос скептиков. Ведь иногда написание топонимов на двух языках отличаются лишь диакритическим значком. Например, в случае с *Kergrist-Moëlou — Kergrist-Moelou*, где разница между французским и бретонским вариантом сводится к трем.

Противники двуязычного бретонского ландшафта ссылаются также на транскрипцию бретонских наименований. Дело в том, что для обозначения топонимов на бретонском языке была выбрана так называемая унифицированная орфография (*l'orthographe peurunvan*), принятие которой не получило однозначно положительного одобрения. Зачастую бретонская транскрипция топонимов не имеет ничего общего с реальным произношением, вызывая недоумение или улыбку у самих бретонцев.

Сторонники внедрения этой системы настаивают на том, что присутствие бретонского языка в разных сферах общественной жизни — одна из важных составляющих бретонской культурной идентичности. Кроме того, двуязычная дорожная и уличная сигнализация позволит детям и молодым людям, изучающим бретонский в школах и университетах, находится в среде, благоприятной для сохранения их регионального языка. Для бретонцев это своеобразный знак признания бретонского языка республиканскими и региональными властями, говорящий о желании сохранить и по возможности укрепить его позиции.

В дополнение к этим аргументам активно продвигается идея развития туристической привлекательности региона, в том числе благодаря распространению двуязычных вывесок, и в целом использованию бретонского языка в качестве культурного символа. Интерес туристов к бретонским культурным символам вспоминается в том числе и тогда, когда хотят оправдать использование франко-бретонских вывесок в Верхней Бретани, где никогда не говорили на бретонском.

На вопрос «не логичнее было бы разместить двуязычные указатели на французском и галло в коммунах Верхней Бретани?», представители местных властей ссылаются на то, что галло мало кому известен за ее пределами. Он не будет восприниматься людьми, пересекающими ее границу, как признак того, что они оказались в особом месте, отличающимся своими кельтскими корнями от других французских регионов. Иными словами, присутствие бретонского языка в виде таких визуальных акцентов, как указатели и вывески, придает региону большую степень аутентичности. По мнению Ж.Роз — мэра города Cesson-Sévigné, двуязычные франко-бретонские наименования позволят интегрировать коммуны в более узнаваемую культурную общность. Кроме того, подчеркивается, что галло не используется на указателях и вывесках в связи с отсутствием единой орфографической нормы.

Примечательно, что сама комиссия (La commission de toponymie de l'Institut culturel de Bretagne), занимающаяся вопросами переименования топонимов, в частности переводом топонимов в Верхней Бретани на бретонский язык, весьма расплывчато объясняет свою позицию и не предоставляет четких критериев, по которым населенные пункты, где никогда не говорили на бретонском языке, вдруг должны именоваться по-бретонски. В частности, ответственными лицами Института Бретани приводятся следующие сомнительные аргументы в пользу повсеместного кельтского происхождения верхне-бретонских топонимов: «Для этой части

Бретани, где в последние века не говорили на бретонском языке, мы выбрали наиболее важные номинации: некоторые из них имели традиционные бретонские формы хорошо известные бретонцам, другие были найдены в древних текстах» [8, р. 167]. Как видим, источники, на которые опираются инициаторы переименования весьма размыты («формы, известные бретонцам», «древние тексты»). Логика региональных властей и институтов, ответственных за продвижение языков региона, может быть условно сведена к формуле «визуализировать региональный язык, значит повысить его статус». Однако фиксация галло с этой целью осложняется в связи с отсутствием единой орфографической нормы. Например, в случае с вывесками в реннском метро, сделанными под контролем ассоциации «Бретань Галлез», ситуация сложилась парадоксальным образом, т.к. по данным опроса сами носители галло не понимают написанного.

Слабый уровень кодификации галло является серьезным препятствием по вовлечению галло в коммуникативную среду региона, в частности по внедрению системы двуязычных вывесок и панно в общественном транспорте. Безусловным минусом отсутствие единой письменности представляется для региональных властей и общественных организаций. При декларируемой всесторонней поддержке, официальные лица плохо себе представляют интеграцию устной формы общения в социальную жизнь.

Показательным в это отношении является интервью А.Соиер, ответственную за политику в области нематериального культурного наследия столицы региона Ренна. На вопрос «Почему власти города отдают предпочтение бретонской культуре, тогда как в Ренне преобладает галло?» Мадам Соиер ответила, что «сегодня в регионе больше нет лингвистических границ. Если раньше большинство бретонцев жило в Нижней Бретани, то сейчас после их частичного переезда в Верхнюю Бретань, бретонский повсеместно стал изучаться в Ренне, и наша задача вернуть бретонский в общественное пространство города, придать ему ценность. Что касается культуры и языка галло, то здесь все намного сложнее: галло не имеет письменности и легализовать его употребление в городской среде намного сложнее». После этого интервью на чиновницу обрушился поток критики со стороны административных и научных кругов, занимающихся изучением и продвижением галло, и со стороны рядовых его носителей. В целом общественность сочла возмутительным открытое признание представителя муниципалитета того, что местные власти отказываются от продвижения галло, ссылаясь на отсутствие письменности и единой орфографической нормы.

В некоторых случаях выбор той или иной графики для фиксации галло в общественной среде уже несет в себе идентификационную составляющую. Одна из коммун Верхней Бретани Парсе (Parcé), силами которой в 2010 г. был открыт центр устного культурного наследия Бретани “La Granjagoul”, предпринимает значительные усилия для сохранения и продвижения галло, в том числе интегрируя галло в общественное пространство. Показательно то, что для наименования коммуны (Parczae) на двуязычном указателе была выбрана графика ELG, которая основывается на этимологическом принципе и предлагает, в отличие от других вариантов графики галло, графемы tz, cz для передачи аффрикативных звуков. Аффрикативные звуки исчезли из старо французского, как и из других диалектов северной романской речи, к концу XIII в. Используя это наименование в орфографии ELG, коммуна стремится подчеркнуть свое отличие от близкородственного французского, дистанцироваться от других языков северного ареала и идентифицировать себя как территорию распространения галло.

Использование миноритарных языков региона в общественном пространстве читается как стремление обозначить их как часть культурного наследия. Вопрос в том, что бретонский в отличие от галло обладает большим идентификационным потенциалом в силу ряда факторов (большее количество носителей, наличие устоявшейся письменной традиции, закрепившийся в коллективном сознании статус языка). Особенно очевидным это становится, если дело касается развития туристической привлекательности региона. Бретонский здесь выполняет функцию одного из символов региона, таких как море, кельтские корни, флора и фауна региона, фест ноз и т.д. Иными словами, бретонский выступает в роли своеобразной «уловки», хорошо узнаваемого бренда, который может способствовать раскрутке региона, коммуны, города, отдельной достопримечательности.

Представленность миноритарных языков в двуязычных вывесках, указателях, переименование населенных пунктов связано с их восприятием коллективным сознанием как культурных символов Бретани, выполняющих идентификационную функцию. Более благосклонное отношение к использованию бретонского языка объясняется тем, что он ассоциируется с возвратом к традициям, культурным истокам региона. В связи с этим использование региональных языков в двуязычных вывесках в контексте современной социолингвистической ситуации Бретани является способом их легитимизации. Однако, попытки установить двуязычные указатели на французском и бретонском языках в некоторых населенных пунктах романской части региона, где никогда не говорили на бретонском, закономерно воспринимается как стремление навязать этнолингвистическую концепцию бретонской идентичности, основанную исключительно на кельтской составляющей. Между тем, для сохранения культурного и лингвистического разнообразия Бретани необходимо бережное отношение не только к бретонскому языку и кельтской культуре, но и к языку и культуре галло. Поэтому любые попытки навязать бретонский язык и культуру в Верхней Бретани будут восприниматься болезненно и в итоге будут искажать реальную бретонскую идентичность — одновременно и кельтскую и романскую.

1. Филиппова Е.И. Интервью с Франц Герен-Паз и Изабель Виль // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 58-64.
2. Ar Rouz D., Le Squère R. Traduction et affichage public: quel(s) service(s) pour les langues régionales de Bretagne? // Marges Linguistiques. 2005. № 4. P. 190-206.
3. Abalain H. Histoire de la langue bretonne. Paris, 2003. 198 p.
4. Manzano F. Diglossie, contacts et conflits de langues... à l'épreuve de trois domaines géo-linguistiques: Haute-Bretagne, Sud occitano-roman, Maghreb // Cahiers de sociolinguistique. 2003. № 8. P. 51-66.
5. Blanchet Ph., Walter H. Dictionnaire du français régional de Haute-Bretagne. Paris: Bonneton, 1999, 157 p.
6. Manzano F. Autour du gallo: état des lieux, analyses et perspective // Cahiers de sociolinguistique. 2007. № 12. P. 5-10.
7. Chauvau J.-P. Evolutions phonétiques en gallo. Paris: CNRS, 1989. 293 p.
8. Le Squère R. Une analyse sociolinguistique des marquages du territoire en Bretagne: toponymie, affichage bilingue, identités culturelles et développement régional // Revue de l'Université de Moncton. 2005. № 1. P. 157-184.
9. Nolan J. Reassessing Gallo as a regional language in France: language emancipation vs monolingual language ideology // International journal of the sociology of language. 2011. № 209. P. 91-112.
10. Bulot T. Lieux de ville et identité (perspectives en sociolinguistique urbaine). Paris, 2004. P. 7-12.
11. Broudic F. Le breton, une langue en questions. Brest: Emgleo Breiz, 2007. P. 131-132.

References

1. Philipova E.I. Interview c Franz Guerin-Paz i Isabel Vil [Interview with Franz Guerin-Paz and Isabel Vil]. Ethnographicheskoe obozrenie, 2005, no. 5, pp. 58-64.
2. Ar Rouz D., Le Squère, R. Traduction et affichage public: quel(s) service(s) pour les langues régionales de Bretagne? Marges Linguistiques, 2005, no. 4, pp. 190-206.
3. Abalain H. Histoire de la langue bretonne. Paris, 2003. 198 p.
4. Manzano F. Diglossie, contacts et conflits de langues... à l'épreuve de trois domaines géo-linguistiques: Haute-Bretagne, Sud occitano-roman, Maghreb. Cahiers de sociolinguistique, 2003, no. 8, pp. 51-66.
5. Blanchet Ph., Walter H. Dictionnaire du français régional de Haute-Bretagne. Paris, 1999. 157 p.
6. Manzano F. Autour du gallo: état des lieux, analyses et perspective. Cahiers de sociolinguistique, 2007, no. 12, pp. 5-10.
7. Chauvau J.-P. Evolutions phonétiques en gallo. Paris, 1989. 293 p.
8. Le Squère R. Une analyse sociolinguistique des marquages du territoire en Bretagne: toponymie, affichage bilingue, identités culturelles et développement régional. Revue de l'Université de Moncton, 2005, no. 5, pp. 157-184.
9. Nolan J. Reassessing Gallo as a regional language in France: language emancipation vs monolingual language ideology. International journal of the sociology of language, 2011, no. 209, pp. 91-112.
10. Bulot T. Lieux de ville et identité (perspectives en sociolinguistique urbaine). Paris, 2004. 172 p.
11. Broudic F. Le breton, une langue en questions. Brest, 2007. 189 p.

Bukhonkina A.S. Brittany's minority languages in urban space: Breton vs. Gallo. The paper deals with the analysis of the minority languages of Brittany — Breton and Gallo — in terms of factors contributing to their vitality. The paper analyses representation of minority languages in urban space. The author says that the Breton language in the context of the modern sociolinguistic situation of Brittany becomes an ideological tool aimed at strengthening the prestige of the region as a whole. The advantage of the Breton language over Gallo becomes apparent through the analysis of Brittany's urban and road landscape. The article states that bilingual signs in addition to the utilitarian function have become a kind of marker of linguistic diversity of the region.

Keywords: Brittany, minority languages, Breton language, Gallo language, cultural identity.

Сведения об авторе. Анна Сергеевна Бухонкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии Волгоградского государственного университета; bukanna@volsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.